

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВА ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПРОЩАНИЯ С ПРОШЛЫМ

П.К. Гречко

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

«Традиции всех мертвых поколений
тяготеют, как кошмар, над умами живых».

К. Маркс

Статья посвящена анализу перспективы выработки адекватного, а это значит, современного отношения к прошлому. В нем не должно быть места ни ретрофобии (снобистскому пренебрежению к прошлому), ни ретрофилии (бездумному заигрыванию с прошлым). В качестве перспективного решения предлагается деконструктивистское переосмысление прошлого, выявляющее и поощряющее различия, прежде всего те, что выделяют и презентуют сам социально-исторический феномен современности, подчеркивая его специфику и обнажая его сингулярную сущность.

Как и у любой другой социально значимой проблемы, у проблемы «история — современность» есть своя эстетика, т.е. свои крылатые слова. Их очень много — назовем, исключительно для иллюстрации, только некоторые из них. «История — наставница жизни» (М.Т. Цицерон). «Тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь» (Дж. Сантаяна). «Прошлое сидит в нас, оно наша плоть и наш дух, без него нас нет, мы концентрат прошлого» (В. Тендряков). «История — неизменная пьеса, которую играют все новые и новые актеры» (А. Монтерлан). Все эти и подобные им изречения являются в действительности метафорами, или смыслообразами, нуждающимися в серьезной рефлексивной проработке и тщательной аналитической выверенности. Их простота и понятность на самом деле мнимые, легко, впрочем, перекрываемые легковерием. Определим, однако, понятия. История в широком смысле представляет собой развитие человека и общества, привычно дифференцируемое далее на прошлое, настоящее

и будущее. Строго же говоря, история есть не все это развитие, как событийный поток бытия человека и общества, а лишь глубинный, субстанциально-сущностной его ток. Иными словами, все события совершаются, происходят в истории, но не все и не каждое из них — история. В контексте нашей темы история — это прошлое, выпавшая в осадок, субстанциально отложившаяся событийность. Важно различать также историю и эволюцию. Если первая есть продукт (результат) деятельности преследующих свои цели индивидов, то вторая — некий объективный, безлико-отстраненный процесс, к которому приложимы критерии естественнонаучной точности. Аналогом эволюционной объективности в истории является интрасубъективность, дальше (глубже) которой указанный выше субстанциально-сущностной ток событий не идет и идти не может.

Современность — это не просто настоящее, а существенное настоящее, а именно то в этом настоящем, что является необходимым и значимым, опорным и жизненным, к тому же активно растущим в будущее. Суть этой «стоящности» как раз в различии, говоря процессуально — различии между прошлым и будущим, придающим историческую глубину настоящему. Иначе говоря, современность берется нами не в чисто темпоральном, астрономическом или календарном, а в социально-историческом ее понимании. В данном смысле важно проводить различие между миром современности и современным миром. В последнем представлены и сосуществуют все социально-исторические времена, начиная с первобытнообщинного (австралийские аборигены, например) и кончая постиндустриальным (развитые страны Востока и Запада). Мир современности есть лишь наиболее продвинутая (на острие стрелы времени) часть современного мира. И ей, кстати, очень непросто коммуницировать с остальными частями, или темпоральными слоями, современного мира. Реальная историческая ситуация нынешней современности — не «распалась связь времен», как сказал когда-то классик, а нагромождение эпохально разных времен и сложная, до предела запутанная диалектика их взаимосвязи. Глобализационные процессы современности, безусловно, обострили эту взаимосвязь. Они привели в активное соприкосновение разные социально-исторические времена, заставили их вступить в конкуренцию друг с другом. Счетчик испытания на историческую выживаемость включен, исход, естественно, не предрешен. История борьбы Рима с варварами в этом плане очень выразительна, она напоминает и предупреждает.

И еще одно различие-уточнение: нельзя, как делают это некоторые авторы, «размещать» современность в первой половине XX века или, тем более, отодвигать ее в век XIX. Современность в прямом и полном смысле этого слова носит «послевоенный» характер, начинается со второй половины XX века, предметно и проблемно уплотняясь на переходе в век XXI. Здесь можно предложить, по аналогии с модернити (*modernity, modern*), неологизм «контемпорениту» (*contemporaneity*). Иначе говоря, в своей темпоральной структурализации истории мы будем ориентироваться не на модерную, а на контемпоральную, или постмодерную, современность, весьма эвристично концептуализируемую постмодернизмом. По отношению к так понимаемой современности *Modern Time* (Новое время) тоже история. С учетом сделанных разъяснений и ориентируясь на гегелевскую

терминологию, современность, в отличие от настоящего, можно было бы назвать intersубъективно разумным в действительности (в настоящем существе). Так понимаемая современность является нормативной реальностью, к ней еще нужно идти, расти, приближаться, притом всем — и тем, кто пока еще пребывает в традиционалистской нише бытия, и тем, кто оторвался от традиционализма и инновационно ушел вперед.

Любовь к истории, доверие к прошлому нередко очень близко подходят к фундаментализму — вере в то, что все истины (Истина) лежат в глубоком прошлом и легко открываются людям с чистым сердцем и дискурсивной невинностью. «Вперед — к прошлому!» — так можно было бы обозначить эту позицию, нередко к тому же пересекающуюся с терроризмом. Не выдерживая цивилизованной конкуренции с современностью, фундаменталисты-террористы хватаются за материальные «аргументы» в виде автоматов и гранатометов, сносят бизнес-головы ненавистным им «торговым центрам», фанатично отстаивая при этом право на ношение «своих» головных уборов. Единственное, что у них есть от современности, — это средства борьбы с самой этой современностью. Они даже ругают современность через мегафоны, которые сами бы никогда не изобрели (об интернет-технологиях и говорить не приходится). Позиция, превозносящая роль и значение знания прошлого, страдает тем, что можно было бы назвать просвещенческой иллюзией эпохи модерна: знание самоценно, доброе и вечное, посеянное им, непременно прорастет в душе благодарного человечества. Ну а дальше все пойдет само собой: знание (разум) освободит от предрассудков, сделает человека эмансипированным, свободным, свободный же человек не может не творить, не создавать нового, что тянет за собой прогресс и т.д. Между тем реальной силой, или действенностью, в истории обладают лишь те факторы и ресурсы, которые представлены или фундированы убеждениями людей. Убеждения же — далеко не просто знания, это знания, подкрепленные жизненным опытом (и «жизненным миром», разумеется), резонирующие так или иначе с прагматикой человеческого бытия. В качестве такого опыта и такой прагматики по отношению к истории с ее «знаниевым» потенциалом как раз и выступает современность.

Интересные различительные нюансы в отношении истории и современности может внести марксова диалектика мертвого и живого труда. Согласно Марксу, прибавочная стоимость создается только живым трудом. Что до стоимости, воплощенной в ранее созданных орудиях, инструментах, машинах и т.д., то она просто переносится на вновь создаваемый продукт — опять же в процессе живой деятельности. Будучи живым трудом, современность создает (призвана или должна создавать) новую прибавочную стоимость, т.е. что-то непременно добавлять к уже наработанному, опредмеченному, материализованному. Как свершившийся, угасший, мертвый труд, история обеспечивает кумулятивную сохранность опыта в цепи последовательно сменяющих друг друга поколений. Иными словами, переносимая стоимость обеспечивает преемственность в истории, а вновь создаваемая стоимость — инновационную прогрессивность современности. А поскольку

даже выживаемость сегодня возможна только через развитие и в его формах, то ясно, что преимущества «живого труда», по сути — масштабных социально-технологических инноваций, не нуждаются в особом представлении.

Для рассматриваемой нами проблемы важен и продуктивен еще один методологический ориентир. Сформулировать его можно было бы так: сущность каждой последующей ступени в любом развивающемся феномене кроется не в том, что ее сближает с предыдущей (предыдущими), а как раз в том, что ее отличает, отделяет, ставит в относительную независимость от предыдущей ступени (всех предшествующих ступеней). Возьмем, к примеру, эволюционный ряд «обезьяна — человек». Почти всему, что есть в человеке, можно найти какие-то аналоги или зачатки-прообразы в мире обезьян. Вообще-то это интересное занятие, и оно многое проясняет. Но не все. Сущность, истинную природу человека на этом пути, в таких сближениях-отождествлениях никогда не найти. Нужно, если мы верим в успех, идти другим путем, путем различения-противопоставления. А это значит, что сущность всегда конкретна и, что более точно, специфична. Та же логика наблюдается (сохраняется) и в случае событийной последовательности «история — современность». Тысячи нитей связывают современность с тем, что ей темпорально предшествует и что она наследует, но не в этом ее сущностная специфика, ее подлинная суть. Современность живет тем, что отличает ее от истории в смысле прошлого, что делает ее непохожей на все ранее существовавшее, когда-то и где-то творившееся. Скажем, депопуляция в форме отказа «белой женщины» рожать по-настоящему уникальна и, следовательно, современна — ничего даже близкого ей не видно во всей истории. Еще один пример: автономной (способной к самовоспроизводству и выживанию) единицей эпохи модерна было национальное государство, или *nation-state*; в эпоху же постмодерна автономией выживания обладает только человечество в целом. Сказанное с необходимостью подводит нас к выводу: нет, не найти нам, при всем желании, в истории ответы на наши сегодняшние вопросы. Искать их нужно в настоящем, сущностно открытом будущему, т.е. в современности. За ресурсами прошлого в таком случае сохраняется чисто инфраструктурное назначение.

Приведем еще несколько примеров нюансированного различения современности и истории. Они показывают, как все здесь неоднозначно и аналитически непрозрачно, с каким трудом выходит на поверхность исследования, пробивает себе дорогу к умам и сердцам людей предметно-разрешающая сила данного различения. Модерная, в основе своей гегелевски-марксистская, диалектика есть диалектика позитивная, в смысле позитивистская; она страдает скрытым апологетизмом: новое вытекает, вытягивается, экстраполяционно генерируется здесь из старого. Постмодерная, или действительно современная, диалектика — диалектика эмерджентная, новое здесь возникает непредсказуемым и неожиданным образом. Попутно заметим, что исторически этот переход опосредовала негативная диалектика Т. Адорно и М. Хоркхаймера. В случае ориентации на прошлое, или ретрофилии, критерии прогресса берутся от достигнутого, индуцируются однажды и однозначно реализованным. При ориентации же на современность эти

критерии «берутся» из будущего, открываемых им возможностей и перспектив. Ресурсы, что очевидно, несопоставимые, они к тому же создают новые ниши-места для позитивного выбора.

Исследование, ориентированное на историю (прошрое), имеет дело со специфицирующими различиями, — различиями, получаемыми в процессе дифференциации преемственно единой сущности или основы. Исследование же, ориентированное на современность, не имеет такой (заранее установленной) «ограничительной» границы-основы. Но она устанавливается снизу как предел наращивания полноты и интенсивности особенного (текущих событий). «История» (в лице М. Задорнова) «показывает», что русский язык является праматерью всех языков Земли. А современность свидетельствует о том, что английский язык давно уже не иностранный, что на нем общаются образованные люди во всем мире, что это современная ученая латынь. Впору говорить, и говорят уже, о глобальном английском. Тот, кто этого не понимает или этому сопротивляется, просто разминутся с современностью, живет в прошлом и прошлым. То, что плохо для Америки, хорошо для России, или «Америка — параша, победа будет — наша!» — это история как доглобальный (значит, прошлый) мир. Современность же говорит о том, что в глобальном, или планетарно взаимозависимом, мире то, что плохо для США, может оказаться плохим и для РФ. Опрокинутая в Америке параша, скорее всего, будет вонять и в России. Иными словами, в современном глобальном (глобализирующемся) мире нет и не может быть абсолютно изолированного (автономного, суверенного) другого (Другого). Последний глобальный финансовый кризис показал это со всей определенностью: суверенность российской демократии так и не смогла выступить в качестве островка благополучия. В голову приходят явно не патриотические мысли: может, было бы лучше, если бы дела в Новом Свете шли хорошо и Америка оставалась ведущей сверхдержавой мира? История, как ее у нас понимают, — это чистейшая парадигма модерна, суммарно-энциклопедическое знание, которым насыщается и современность. У нас все все знают и все все понимают, но из этого ничего (в плане практического действия) не следует: весь пар уходит даже не в гудок, а в молчание («молчаливое большинство») и терпение. Более того, в этой (такой) ситуации работает один административный ресурс, спускающий сверху вниз инструкции и процедуры, которым «молчаливое большинство» следует формально и равнодушно.

История, во всяком случае ее культурная часть, — это тенденция, зародившаяся еще в античности и продолжающаяся по сей день, тенденция, исходно обозначенная как движение от мифа к логосу, а позже названная М. Вебером «расколдованием мира». Современность выражает эту тенденцию наиболее полно и убедительно; она обречена расставаться с иллюзиями и розовыми мечтами, с верой в чудеса и благодатные избавления, как бы ни было это печально для бытийного самочувствия человека. Впрочем, переход от мифологии и идеологии к собственно философии остается актуальной задачей и для современности. Современность, как и предыдущие эпохи, есть институционализация духа времени.

Ясно, что этот дух сегодня уже не дух модерна, блестяще раскрытый в терминах протестантского духа капитализма все тем же М. Вебером. Но тогда — какой? В общем смысле — постмодерный, но этот общий смысл, это общее устремление, чтобы довести его до веберовской кондиции, нужно еще уточнять и уточнять.

История интересна для современности нереализованными в прошлом возможностями, т.е. в виде контрфактического вызова, вызова настоящему (современности). Как показывают новейшие исследования, несвершившиеся в положенный срок и в положенном месте события не исчезают бесследно, не рассасываются в чистое небытие. Они продолжают существовать, напоминая нам об этом некоторыми «особенностями национального сознания» и упрямой угловатостью материального обустройства жизни. В темпоральной диспозиции истории, как процесса развития человека и общества, современность занимает особое, можно даже сказать, привилегированное место. Оно с определенностью очерчивается целым рядом преимуществ или достоинств. Отметим *преимущество онтологическое*. Конечно, идея линейного исторического развития с последовательным суммированием происходящего теперь не пользуется популярностью, но историческую преемственность, а значит, и некоторое кумулятивное накопление серьезные исследователи обычно не отрицают. Многое все-таки сохраняется и передается последующим поколениям. Современность в этом смысле содержательно более богата и объемна, она вбирает («снимает») в себя все предыдущие этапы развития. Вбирает, естественно, на свой манер и лад, в соответствии с изменившимися условиями или обстоятельствами. Что-то непременно исчезает, выгорает как самое настоящее горячее истории, но ведь что-то в этом огне только прокаливается, как железо закаляется (да, с последующим охлаждением, на это уже другой вопрос).

Преимущество эпистемологическое. Современность — неотменяемый «угол зрения» любого актуального познавательного процесса: рассматривать что-либо не из современности, минуя ее предпонимательный «коэффициент», просто нельзя. С исторической высоты современности открываются самые широкие мировоззренческо-теоретические горизонты — прежде всего для исследования, но также и для общего осмысленного (рефлексивного) социального бытия. Наибольший интерес представляет здесь как раз отношение между историей и современностью. Эвристику современности по отношению к истории К. Маркс удачно выразил формулой: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» (1). Ключ здесь — результат, указывающий на предшествующий ему процесс. На этот результат работал весь событийный поток истории, но системно закрепилось и структурно отложилось в нем далеко не все. Современность выступает в качестве своеобразной логической формации, исправляющей (спрямляющей) кочковатость и угловатость реального исторического процесса, многообразного по определению. Это обстоятельство отложилось и в семантике исторического как чего-то сущностного, исключительно важного и жизнестойкого. Сказанное не имеет ничего общего с «управлением историей», с подгонкой прошлого под политико-идеологическую конъюнктуру настоящего, с постоянным переписыванием истории в угоду очередному авторитарному лидеру или коллективному партийному руководству, всегда самому прозорливому и мудрому.

Разумеется, чистой, отстраненно-объективной истории не бывает. Тщетны надежды заставить говорить сами исторические факты: вне интерпретации, которая так или иначе выходит на современность, их просто не бывает. История и современность взаимосвязаны как в плане эмпирического описания, так и прогноза, предсказания. Вспомним Пастернака: «Однажды Гегель ненароком/ И, вероятно, наугад/ Назвал историка пророком,/ Предсказывающим назад». Известного осовременивания истории и эффекта «непредсказуемого прошлого» избежать нельзя. Многие (но не все) зависят здесь от характера и полноты самой современности: насколько она демократична, достаточно ли сбалансирована ее плюралистическая субъектность, каков дискурсивный потенциал ее публичной сферы, исповедуют ли ее профессионалы этос науки и так далее. Современность с такими качествами не несет с собой высокомерного противопоставления всему остальному историческому материалу, принижения или унижения предыдущих поколений — она лишь обозначает свою специфику и очерчивает собственные пределы.

Возникает, впрочем, законный вопрос: как нам толковать саму современность? Или по-другому: если современность используется в качестве методологического средства, то разумно ли вести поиск действительно современной методологии, т.е. методологии, адекватной современности, вскрывающей ее специфическую сущность? Ответ подсказывается самим историческим статусом современности как сопряжения настоящего с будущим. Толковать современность (современность настоящего) нужно из будущего, с точки зрения желаемого и практически возможного будущего, футурологически обозначаемого Э. Тоффлером как практопия. Уместно сослаться здесь также на авторитет Э. Гидденса: «Футурология — построение таблиц возможных, вероятных, достижимых версий будущего — становится более важной, чем летопись прошлого» (2).

Преимущество аксиологическое. Оно представлено неким набором актуальных оценок, — оценок, касающихся всех субъектов «современного» процесса. Для отдельных индивидов ценностная ориентация на современность означает: быть на высоте или острие исторического времени, что не только интересно, по-настоящему продуктивно, но и престижно. А поскольку престиж — важная составляющая социального статуса человека, то современность его, этот статус, ощутимо укрепляет. Современность несет с собой и определенное проблемно-личностное напряжение: назвать кого-то несовременным — значит заподозрить, обвинить его в неразвитости, отсталости, чуть ли не в ретроградстве. Современное одновременно и лучшее, оно — там, где люди не мыслят себе жизнь без постоянных изменений, без стремления к новому и передовому, без поддержки и поощрения прорывных творческих дерзаний. Что касается многочисленных общностей и социальных групп, то, лишь будучи современными, они могут рассчитывать на устойчивую лояльность и притягательность своей идентичности. Фундаменталистские коллективные лояльности, сознательно, а то и силой тянущие назад, в прошлое, здесь не в счет — для направленной в будущее истории они архаичны, если не маргинальны. Ценность современности на уровне отдельных обществ раскрывается примерно следующим образом: только определившись относительно со-

временности как вершины истории, т.е. установив координаты своего «путешествия во времени», они способны «нарисовать» адекватную картину собственного исторического бытия и выработать продуктивную стратегию своего дальнейшего движения вперед. Именно так — ориентируясь на современность, чистя себя под современность, мы можем рассчитывать на то, что знаем (хотим знать) общество, в котором живем. По верному замечанию А.Ф. Филиппова, от ответа на вопрос «современна ли сегодняшняя Россия?» ... «зависит и оценка прошлого, и диагноз настоящего, и планы на будущее» (3). Что касается ценности человечества в целом — если оно представляет собой единый вид *Homo sapiens*, а так оно и есть, то должна быть и некая сквозная ценностная шкала его развития, телеологически устремленная к современности. Глубокая внутренняя дифференциация человечества позволяет говорить о том, что на современность (в постмодерной ее трактовке) непосредственно выходят только наиболее развитые, самые продвинутые его «части». Они лидируют в настоящем, но самое главное — за ними будущее, которое, впрочем, не гарантировано и может легко пострадать, вообще не состояться из-за эгоистического неразумия людей. Современный взгляд в будущее актуализирует также вопрос о выживаемости и безопасности планеты Земля в Космосе. Нужно готовиться и копить энергию для борьбы с метеоритами, астероидами, многочисленными «черными дырами». Ясно, что только по-настоящему объединенному и по-современному оснащенному человечеству под силу решать (решить) такую задачу.

Ценностно-нормативная трактовка современности имеет, конечно, свои границы, и их не следует безмерно расширять или отодвигать. Иначе дело легко может дойти до Идеи (в смысле Платона) современности как образа вечности, или вечного во времени, которое, воспользуемся образами М.И. Цветаевой, «своевременно — всегда, современно — всему». Предыстория, или историческая архаика, традиционное общество, модерная современность, постмодерная современность и далее «со всеми остановками» — жизнь продолжается, должна продолжаться. Все рассмотренные нами измерения (преимущества) современности по своему синтезируются в ее социальном капитале, а это — постоянный рост потенциала доверия, коммуникативного взаимопонимания и согласия между людьми. Попытки достичь всего этого на основе обращения к истории, возрождения былого, старого доброго времени к успеху не приводят, более того, они контрпродуктивны в принципе. Разумеется, история содержит немало героического, увлекательного и поучительного — того, что желательно знать и чему бы неплохо подражать. Но еще больше в ней примордиальной вражды, вытеснений, захватов, крови и грязи. Увы, история человечества до краев наполнена конфронтационным духом, безжалостным истреблением друг друга, постоянными войнами, несущими с собой не только радость победы, но и горечь поражения. Ими до сих пор питаются взаимные подозрения, предрассудки, обиды. Что-то поднимается из глубины коллективного бессознательного, куда история ушла и отложилась, но что-то сознательно разжигается корыстными элитами, с удовольствием и не без успеха разыгрывающими мемориальную карту.

В ретроспективном плане лучший способ выстраивания доверия и строительства общего будущего — не помнить, а забыть. Жизнь была бы невыносима, если бы все только помнили и накапливали. Нет, историческая память наша обязана быть дырявой, многое в ней просто должно кануть в Лету — окончательно, необратимо, безвозвратно. Забыть — значит искать решение актуальных или сегодняшних проблем не в прошлом, а в будущем. Забывание и связанное с ним, по умолчанию, прощение, можно рассматривать как форму моральной самозащиты. На примере нациогенеза эту идею убедительно развил Э. Ренан: «Забывание — и, я бы даже сказал, историческое заблуждение — играет решающую роль в создании нации, и именно поэтому развитие исторических исследований зачастую представляет опасность для [принципа] национальности. Историческое исследование проливает свет на насильственные деяния, которые имели место при рождении всех политических образований, даже тех, чьи последствия в целом были благоприятны» (4). Еще более убедительной выглядит здесь английская версия данного процесса в изложении Б. Андерсона: «Учебники английской истории предлагают вниманию сбивающее с толку зрелище великого Отца-основателя, которого каждого школьника учат называть Вильгельмом Завоевателем. Тому же ребенку не сообщают, что Вильгельм не говорил по-английски и, по правде говоря, вообще не мог на нем говорить, поскольку английского языка в то время еще не было; не говорят ребенку и о том, «завоевателем» чего он был. Ибо единственным мыслимым современным ответом было бы: «завоевателем англичан», — что превратило бы старого норманнского хищника во всего лишь более удачливого предшественника Наполеона и Гитлера» (5).

А сколько символов нашего недавнего прошлого зашаталось под ударами исторической дотошности или скрупулезности! Огненный таран капитана Гастелло (был ли в действительности такой таран? и почему капитан Гастелло, а не капитан Маслов?), Александр Матросов (кто все-таки первым — может, политрук Панкратов? — закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота? Оказывается, у Матросова было 45 предшественников), 28 героев-панфиловцев (сколько их вообще-то было? и действительно ли они остановили немецкое наступление, подбив 18 танков противника?), Великая Победа (кто на кого собирался напасть? и какова цена победы?) и т.д. — вот только небольшой перечень этих дорогих нам мемориально-символических нарративов. Под ударами исторической информированности грозит рассыпаться любимый образ наших «державников» — о непреодолящем и прогрессивном характере централизованной государственной власти, о государстве как главном субъекте истории, о незаменимости административного ресурса в социальном менеджменте. Оказывается, история «русской модели управления» знает традиции эффективного «народоправства», демократические вечевые институты в городах и другие формы местной управленческой самостоятельности.

Перейдем теперь к самому популярному и привлекательному измерению современности — к прагматике комфорта, который она с собой несет. Такой исторической продуктивности, такого масштаба обустройства жизненного пространства не знало ни одно предшествующее время. Появилось то, что можно было бы

назвать превращением экономики из базиса в инфраструктуру истинно человеческого существования. На его горизонте сегодня (в условиях современности) — не постоянная забота о хлебе насущном, не борьба за выживание, а поглощенность ценностно-смысловым наполнением бытия, субъективной удовлетворенностью жизнью, поиском счастья, справедливости, свободы. Разумеется, разговор о комфорте можно вести и в других терминах: филистерство, бюргерство, мещанство. Стяжать, мол, надо не материальные, а духовные блага и думать больше о раскрытии внутренней самости, об удовлетворении высоких и благородных запросов души, а не заведомо более низких, в чем-то даже низменных потребностей, страстей и похотей тела. Не станем возражать: различие между душевно-духовными и телесно-организменными ориентациями человека, конечно же, есть, и оно огромное. Огромное, но одновременно и естественное, имманентно присущее человеческому существу. К тому же мы плохо пока знаем их взаимосвязь. Вот, эндорфины, например, — без этого телесного «счастья» возможно ли счастье как внутренне-душевное чувство или состояние? Мы счастливы, потому что есть эндорфины, или эндорфины есть, потому что мы счастливы? Похоже на то, что современные исследования в таких областях, как генетика, микробиология, медицина, кибернетика, вскрывают более глубокую, нежели мы привыкли думать, взаимосвязь тела и души человека. У прагматики жизненного комфорта есть, конечно, и свои минусы. Не будем их все перечислять — укажем на наиболее тревожные: дефицит смысла, грозящий некой общей бессмысленностью, одновременно экзистенциальной и экологической, нарастающий консьюмеризм или потребительство и гедонистическое ослабление (размягчение) воли к жизни, что замедляет историческую поступь современности и уменьшает шансы ее победы над не-современностью. Но, видимо, все это следует отнести к плате за развитие, а в метафизическом плане — к фундаментальной негарантированности бытия человека в мире. Важно посмотреть на проблему и с другой стороны: пожалуй, без прививки потребителем не излечиться нам от потребительства со всеми его негативными последствиями — для человека, общества и природы. Это как с запретным плодом: сколько ни закрывай, ни прячь, ни преследуй, а менее притягательным и сладким он никак не становится.

Историю в смысле прошлого нельзя замалчивать, игнорировать, а тем более третировать. С прошлым нужно цивилизованно расставаться, короче говоря, прощаться. И самый лучший способ сделать это — обратиться к методу деконструкции, который, выявляя и умножая различия, позволяет одновременно отличить современность от всего того, что ей предшествует и ее окружает. Содержательное богатство деконструкции семантически артикулируется приставкой «пост» — пост-история как процесс и результат рефлексивно-критической переработки (освоения и присвоения) доставшегося в порядке исторической преемственности наследия. Деконструкция есть средство или способ определения меры неопределенности, а значит, и неактуальности того, что подпадает под действие «различительной» способности данного метода. Это не реконструкция, восстановление или возрождение прошлого, а конструирование чего-то принципиально нового — из материала, «переходящих сумм» прошлого. Это, другими словами, не интерпретация,

а экспериментация все с тем же историческим материалом. Что-то отпадает, предается естественному забвению, а что-то, напротив, сохраняется, но вступает в новые взаимодействия и связи, создающими в результате совершенно новую ситуацию.

Примером богатого интеллектуального прощания с прошлым может служить само материнское лоно деконструкции — постмодернизм. Его критика духовных основ эпохи модерна не имеет ничего общего со «зрящим» отрицанием — напротив, она на редкость продуктивна и эвристична, постоянно прибавляет в содержании и дифференцирующей структурализации, достаточных по всем меркам для выстраивания в целую историческую эпоху. Постмодерн как раз и есть такая эпоха. Как долго она будет продолжаться и чем конкретно закончится — никто не знает. Впрочем, кассандрами от науки постмодерн уже давно похоронен.

Деконструкция показывает, что нет неизменной холистической схемы бытия, или Целого, живущего за счет своих частей, превращающих деятельных субъектов истории в ее невольных статистов, в точечные локализации некой безликой и инертной массы. С деконструктивистской точки зрения история множественна и стадияльно (качественно) дискретна, в квазицелое ее скрепляет конкуренция и та оптимальность выбираемых решений, на которые она так или иначе выходит. Деконструкция на редкость толерантна и политкорректна. Превращая всю — прошлую, настоящую и будущую — историю в хорошо темперированный интертекст, она свободно и не без удовольствия цитирует любые исторические эпохи, а в них — отдельные события и явления. От нежелательной (или полной) семантической энтропии спасает актуальный, рамками настоящего обозначенный контекст. Подобно мифологии деконструкция убивает время. Вернее, ее отличает гедонистический презентизм (лат. *praesent* — «находящийся под рукой») — свободная, ничем не стесняемая игра всеми действительными и возможными (ретро- и перспективными) различиями. Учитывая однокоренной характер презентизма и презентации (*praesentatio*), деконструкцию можно представить как превращение истории в презентацию настоящего, в котором, и это очень важно подчеркнуть, различием сопряжено прошлое и будущее.

Возвращаясь в заключение к популярному темпоральному членению истории, хотелось бы сказать следующее: мы достойны иметь прошлое, которого не надо стыдиться, и будущее, в которое можно верить, и на этой основе строить настоящее, в котором наконец-то хотелось бы жить.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Из рукописного наследия К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 12. — С. 731.
- (2) Цит. по: *Закатнова А.* В поисках версий будущего // Российская газета. 12.12.2007. — № 278(4541).
- (3) *Филиппов А.Ф.* Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. — 1998. — № 8. — С. 38.
- (4) Цит. по: *Калхун К.* Национализм. — М., 2006. — С. 115.
- (5) *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. — М., 2001. — С. 218.

**HISTORY AND CONTEMPORANEITY:
A PERSPECTIVE OF DECONSTRUCTIONIST
FAREWELL TO THE PAST**

P.K. Grechko

Department of History of Philosophy
School of Humanities and Social Sciences
Russian Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklay str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the working-out of an adequate attitude towards history as the past. It has nothing in common with retrophobia (a snobbish disregard of the past) and retrophilia (a thoughtless flirt with the past). The author proposes for discussion the well-known idea of deconstruction in its application to the historical flux of events. Deconstruction proliferates differences, in our case those that draw the lines between history and contemporaneity.